

The background of the cover is a dark, moody illustration of a cave. A bright, glowing blue light emanates from the far end of a long, winding passage, creating a strong sense of depth and mystery. The cave walls are jagged and textured, with the light reflecting off the surfaces, highlighting the contours of the rock. The overall color palette is dominated by deep blues and blacks, with the bright blue light providing a focal point.

Страшные рассказы

Eyforis Lurt

Eyforis Lurt

Страшные рассказы

<https://litres.ru/74684562>

SelfPub; 2026

Аннотация

Конец. Или начало? Ведь где-то там, за гранью обыденного, эти миры всё ещё ждут своих путешественников. И некоторые из них уже не вернулись.

Содержание

«ГОРОД, КОТОРЫЙ ПОМНИТ»	5
«ПОЕЗД, КОТОРЫЙ ЕДЕТ ВСЕГДА»	12
«ЛЕС, КОТОРЫЙ СЛУШАЕТ»	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Eyforis Lurt

Страшные рассказы

«ГОРОД, КОТОРЫЙ ПОМНИТ»

Элеонора Рэйк сошла с парома в половине шестого вечера, и первое, что она почувствовала, была не качка, а тишина. Не просто отсутствие звука — тишина плотная, как вата в ушах, будто остров Сент-Клэр находился не в океане, а в другом измерении, где ветер забыл, как шуметь. Паромщик, сутулый мужчина с лицом, изрезанным морщинами, как старая карта, не сказал ни слова, пока она сходила по трапу. Только смотрел, и в его глазах было что-то такое, от чего Элеонора поёжилась, хотя вечер был тёплым.

— Спасибо, — сказала она, обернувшись.

Он кивнул. Один раз. Медленно. И отчалил, не глядя, как она остаётся одна на дощатом причале с чемоданом в руке и адресом брата, нацарапанным на клочке бумаги.

Джейкоб. Джейкоб Рэйк. Тридцать два года, фотограф, вечно взъерошенные волосы и улыбка, которая, казалось, могла осветить целый город. Он уехал на Сент-Клэр четыре месяца назад — «поработать над проектом», как он написал в последнем письме. «Остров удивительный, Элли. Здесь время течёт иначе. Я нашёл то, что искал». Потом письма прекратились. Телефон не отвечал. Адрес, который он оставил, оказался домом на краю площади — Элеонора проверила по карте.

Она шла по улице, и чем дальше, тем сильнее её охватыва-

ло странное чувство. Дома стояли ровные, аккуратные, выкрашенные в белый и голубой, с черепичными крышами и ставнями, закрытыми наглухо. Все ставни. В каждом доме. Будто городок готовился к урагану, который никто не объявлял. Но из-за этих закрытых ставен доносился шёпот. Тихий, неразборчивый, множественный. Элеонора остановилась, прислушалась. Шёпот шёл из-за стен, из-за дверей, из щелей в фундаменте. Он был похож на шелест страниц, которые перелистывает невидимая рука, и на бормотание людей, говорящих одновременно, но каждый — своё.

— Эй! — позвала она, и шёпот на мгновение стих. Потом возобновился, ещё громче, будто её голос был спичкой, поднесённой к сухим дровам.

Она прошла ещё квартал. Ни одного человека на улице. Ни кошки, ни собаки, ни птицы. Только шёпот за ставнями и её собственные шаги по булыжной мостовой. Элеонора достала телефон — сигнала не было. Совсем. Даже экстренного. Она сунула его обратно в карман и ускорила шаг.

На площади её встретили. Люди появились внезапно, будто вышли из-за углов одновременно, и их было много — человек тридцать, может, сорок. Они стояли полукругом, и все улыбались. Одинаково. Уголки губ приподняты ровно настолько, чтобы обозначить приветствие, но не больше. Глаза смотрели прямо на неё, и в них не было ни любопытства, ни настороженности — только эта улыбка, растянутая, как резиновая.

— Мисс Рэйк, — сказал мужчина впереди, невысокий, в клетчатой рубашке и с аккуратно подстриженной бородой. — Мы ждали вас.

Элеонора замерла. Она не называла своего имени. Она вообще никому не говорила, что придет. Только брату — в письме, которое отправила две недели назад. Но он не отвечал.

— Вы меня ждали? — переспросила она, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо.

— Конечно, — сказал мужчина. — Джейкоб говорил о вас. Мы знали, что вы придете. Я — мистер Харлоу. Я присматриваю за домом вашего брата.

Она хотела спросить, где Джейкоб, но что-то в лицах этих людей — слишком приветливых, слишком одинаковых — заставило её промолчать. Она просто кивнула и позволила мистеру Харлоу проводить её до дома. По дороге он рассказывал о погоде, об урожае, о том, как прекрасно на Сент-Клэре летом. Говорил ровно, без пауз, будто читал по бумажке. Остальные шли следом, не отставая, и их шаги звучали синхронно.

Дом Джейкоба оказался маленьким, с верандой и заросшим садом. Внутри было чисто — слишком чисто, как в номере гостиницы, который только что убрали. Ни пылинок, ни беспорядка. Вещи брата лежали на своих местах: камера на столе, книги на полке, куртка на крючке. Но не было ни одной фотографии. Ни одной. Джейкоб был фотографом, он

всегда оставлял снимки, разбросанные по дому, как следы. Здесь — ничего.

— Он уехал ненадолго, — сказал мистер Харлоу, стоя в дверях. — Вернётся. Вы располагайтесь. В семь часов мы собираемся на площади. Это традиция. Все жители.

— В семь? — переспросила Элеонора.

— Ровно в семь, — подтвердил он, и его улыбка стала чуть шире. — Не пропустите.

Он ушёл, и она осталась одна. Первым делом Элеонора обыскала дом. Она не знала, что ищет, но что-то подсказывало: брат не просто так исчез. В ящике стола — аккуратно сложенные бумаги, счета, старые письма. В шкафу — одежда, висящая ровными рядами. В спальне — кровать, заправленная так идеально, что на ней, казалось, никогда не спали. И только на третьем этаже, в маленькой комнате под крышей, она нашла то, что искала.

Дневник. Кожаная обложка, потрёпанные страницы, знакомый почерк брата — быстрый, размашистый, с наклоном вправо. Элеонора села на пол, прижала дневник к груди и открыла на первой странице. Дата — три месяца назад.

«Приехал на Сент-Клэр. Городок странный, но люди приветливые. Слишком приветливые. Улыбаются так, будто тренировались перед зеркалом. Но это ерунда. Главное — свет. Здесь невероятный свет. Я сделаю лучшие снимки в своей жизни».

Она перелистнула несколько страниц.

«Начал замечать странности. Каждый вечер в семь все выходят на площадь и стоят, глядя в небо. Я спросил мистера Харлоу, зачем. Он сказал: Так надо. И улыбнулся. Я не стал настаивать».

Ещё несколько страниц.

«Сегодня видел woman, которая стояла у окна и смотрела на меня. Я помахал ей. Она не ответила. Просто стояла. Когда я подошёл ближе, её уже не было. Но ставни были закрыты изнутри. Я проверял».

Элеонора почувствовала, как по спине пробежал холодок. Она перелистнула дальше.

«Они не люди. Они — воспоминания. Город помнит всех, кто здесь когда-либо жил, и теперь эти воспоминания ходят по улицам. Сегодня я видел себя. Он улыбался мне. Завтра я стану одним из них».

Это была последняя запись. Дальше — пустые страницы. Элеонора перечитала её три раза, потом закрыла дневник и посмотрела в окно. Ставни соседнего дома были приоткрыты, и в щели виднелось бледное лицо. Оно смотрело прямо на неё. Улыбалось.

Она отвернулась.

До семи оставалось двадцать минут. Элеонора не собиралась выходить на площадь. Она собиралась сидеть в доме, запереть двери и ждать утра. Но когда часы на камине пробили без четверти семь, что-то изменилось. Шёпот за стенами стал громче, настойчивее. Он складывался в слова, и слова

были её имя. «Элеонора. Элеонора. Элеонора». Голоса звучали знакомо — один из них был голосом Джейкоба.

Она встала. Не хотела, но встала. Ноги понесли её к двери, и она не смогла остановиться. Рука повернула ручку, и дверь открылась сама. На улице уже шли люди. Молча, ровным шагом, все в одном направлении. Элеонора шла вместе с ними, и она не помнила, как оказалась на площади.

Она стояла в центре, среди десятков людей, и смотрела в небо. Оно было чистым, тёмно-синим, с первыми звёздами. Рядом стоял мужчина. Элеонора повернула голову и увидела брата. Джейкоб. Такой же, как на фотографиях, которые она хранила в телефоне. Взъерошенные волосы, куртка, которую он всегда носил. Он улыбался. Слишком приветливо. Слишком одинаково.

— Джейкоб, — сказала она, но голос прозвучал глухо, будто из-под воды.

Он не ответил. Просто смотрел в небо и улыбался. И Элеонора поняла, что тоже смотрит в небо. Она не помнила, зачем приехала. Не помнила, что искала. Не помнила, что её зовут Элеонора Рэйк. Осталось только небо и улыбка, растянутая на лице, как резиновая.

Колокол пробил восемь. Люди начали расходиться. Медленно, молча, каждый к своему дому. Элеонора пошла за братом. Он открыл дверь, вошёл, и она вошла следом. В доме было чисто. На столе лежала камера. На полке — книги. На крючке — куртка. Элеонора села на кровать и посмотре-

ла в окно. Ставни были закрыты. За ними шёпот. Она улыбнулась.

На следующее утро на причал сошла женщина с чемоданом. Её звали Маргарет, и она искала свою сестру. Жители встретили её приветливо. Слишком приветливо. Слишком одинаково улыбаясь. А в доме на краю площади, за закрытыми ставнями, Элеонора Рэйк стояла у окна и смотрела на новую гостью. Она не помнила, кто эта женщина. Она вообще ничего не помнила. Но она улыбалась — потому что так было надо. Потому что город помнил всех, кто здесь когда-либо жил, и теперь эти воспоминания ходили по улицам, улыбались и ждали семи часов вечера, когда колокол пробьёт восемь и можно будет снова смотреть в небо, забыв обо всём на свете.

Шёпот за стеной стал громче. Он складывался в слова: «Маргарет. Маргарет. Маргарет». Элеонора прислушалась. Голос был знакомым — голос Джейкоба, голос мистера Харлоу, голос её собственный. Она улыбнулась шире и вернулась к окну. Скоро семь. Скоро все выйдут на площадь. И Маргарет тоже выйдет. Потому что так надо. Потому что город помнит. Потому что воспоминания не умирают — они просто ждут, когда их снова увидят.

«ПОЕЗД, КОТОРЫЙ ЕДЕТ ВСЕГДА»

Маркус Вейл взял билет в последний момент, за десять минут до отправления, и потом долго стоял на пустом перроне, глядя на тёмный состав, который будто вынырнул из ночи специально для него. Он не планировал ехать в Прагу. Он вообще ничего не планировал с тех пор, как получил то письмо — конверт без обратного адреса, внутри одна фотография: старый вокзал, часы над входом показывают 23:47, а на скамейке сидит женщина в сером пальто. Он не знал эту женщину. Но подпись на обороте была его собственным почерком: «Ты должен успеть». И он почему-то решил, что должен. Куда — он не понимал. Зачем — тоже. Но ноги сами несли его к кассе, и голос внутри, чужой и настойчивый, шептал, что если он не сядет на этот поезд, то не сядет уже никогда.

Вагон оказался пустым. Не просто малолюдным — совершенно пустым. Маркус прошёл по коридору, заглядывая в купе одно за другим: ровные ряды кресел, тусклые лампы, занавески задёрнуты, ни одного пассажира, ни единого звука, кроме мерного стука колёс. Он выбрал купе в середине вагона, бросил сумку на верхнюю полку и сел у окна. За окном проплывали огни пригорода, редкие, размытые, как ак-

варель, которую кто-то смыл дождём. Потом и они исчезли. Осталась только темнота и стук колёс.

Проводник не пришёл. Маркус ждал его, чтобы показать билет, купить чаю, просто услышать человеческий голос. Никто не появился. Он прошёл до конца вагона, подёргал дверь в тамбур — заперто. Постучал. Тишина. Вернулся на место, посмотрел на часы. 23:47. Он запомнил это время почему-то — возможно, из-за фотографии, возможно, из-за того, что стрелки стояли неподвижно, будто нарисованные. Маркус снял часы, встряхнул их, поднёс к уху. Тиканье было едва слышным, но механизм работал. Он надел их обратно и закрыл глаза.

Когда он проснулся, за окном всё ещё было темно. Маркус посмотрел на часы и почувствовал, как холод прокатывается по спине, от шеи до поясницы. 23:47. Те же цифры, те же стрелки, то же положение секундной, застывшей на двенадцати. Он достал телефон — экран мигнул и погас, батарея показывала ноль. Маркус провёл рукой по лицу, пытается проснуться окончательно. Может, он всё ещё спит? Он ущипнул себя за запястье. Больно. Значит, не спит.

За окном было поле. Но не такое поле, какое бывает за окном ночного поезда: тёмное, пустое, с редкими кустами и силуэтами домов на горизонте. Это поле было усеяно чемоданами. Тысячами чемоданов. Они стояли ровными рядами, насколько хватало глаз, и в темноте их кожаные бока тускло поблёскивали, будто покрытые росой. Маркус прижался к

стеклу, пытаясь разглядеть детали. Чемоданы были разными: старые, с металлическими углами, обшарпанные, и новые, кожаные, с блестящими замками. И в каждом что-то шевелилось. Не сильно — будто внутри переворачивался во сне кот или шуршала ткань. Но это движение было везде, во всех чемоданах одновременно, и от него у Маркуса засосало под ложечкой.

Он отшатнулся от окна и задёрнул занавеску. Сердце колотилось. Маркус попытался рассуждать логически: ночной поезд, он устал, возможно, у него случился микроинсульт или он сошёл с ума от переутомления. Всё это объяснимо. Часы могли остановиться, поле могло померещиться, а движение в чемоданах — оптическая иллюзия. Он повторял это про себя, как мантру, пока не почувствовал, что может дышать ровнее. Потом открыл занавеску снова. Поле никуда не делось. Чемоданы стояли так же плотно, и в них всё так же что-то шевелилось.

Маркус провёл в купе несколько часов — или то, что казалось часами. Часы на запястье не двигались. Он выходил в коридор, стучал в соседние купе, дёргал двери. Всё заперто. Он кричал. Голос уходил в тишину и не возвращался. Он вернулся в купе, сел на пол, прижавшись спиной к сиденью, и стал ждать. Чего — он не знал. Может, проводника. Может, рассвета. Может, хоть какого-то изменения.

На третьи «сутки» — он считал их по своим внутренним ощущениям, потому что часы стояли, а солнце не вставало

— Маркус нашёл в своём купе записку. Она лежала на столике, прижатая к поверхности пустым стаканом, которого раньше здесь не было. Лист бумаги, сложенный вдвое. Маркус развернул его и узнал свой почерк. Быстрый, с наклоном влево, с характерным росчерком на конце слов. Он всегда так писал, когда торопился.

«Не смотри в окно после полуночи. Это не поле. Это пассажиры, которые сошли не на той станции».

Маркус перечитал записку три раза. Потом перевернул лист — чисто. Посмотрел на стакан — обычный гранёный стакан, каких полно в поездах. Он не помнил, чтобы ставил его здесь. Он вообще не помнил, чтобы брал стакан. Но записка была его. В этом он не сомневался. Он знал свой почерк, знал, как выглядят его «т», как закручивается хвостик у «я», как он ставит точку в конце — резко, будто ставя печать. Это было его письмо. Только он не писал его. Или писал? Он попытался вспомнить. Голова гудела, мысли расплывались, как ртуть. Он не помнил.

«Не смотри в окно после полуночи». Маркус посмотрел на часы. 23:47. Полночь ещё не наступила. И не наступит, если верить стрелкам. Но что-то внутри него — то самое, что заставило его сесть на этот поезд, — тянуло к окну. Он боролся с этим желанием. Сидел, сжав кулаки, считал до ста, до тысячи. Потом встал и подошёл к окну. Занавеска была задёрнута. Он положил ладонь на ткань, чувствуя, как она дрожит под пальцами — или это дрожали его пальцы. «Не

смотри», — сказал он себе. И отдёрнул занавеску.

В 23:47 — или в ту секунду, которую часы упорно называли 23:47 — чемоданы открылись. Одновременно. Все сразу. Крышки поднялись, будто их подтолкнула какая-то невидимая волна, и Маркус увидел, что внутри. Люди. Точные копии пассажиров этого поезда. Он не знал, откуда в нём эта уверенность, но он знал: это пассажиры. Люди, которые должны были ехать в этом поезде. Люди, которые сошли не на той станции. Они лежали в чемоданах, свёрнутые, как одежда, и их глаза были закрыты. Тысячи людей, тысячи чемоданов, и над полем стояла такая тишина, что Маркус слышал, как стучит его собственное сердце.

Одна из копий открыла глаза. Она лежала в чемодане неподалёку от окна — молодая женщина с тёмными волосами, в сером пальто. То самое пальто. Та самая женщина с фотографии. Она посмотрела прямо на Маркуса. И улыбнулась. Потом подняла руку и помахала ему. Медленно, будто прощаясь или приветствуя. Маркус отшатнулся, но не смог отвести взгляд. Женщина продолжала улыбаться, и в её улыбке было что-то знакомое. Что-то, что он видел каждый день в зеркале.

Он задёрнул занавеску и отступил вглубь купе. Сердце колотилось так, что болела грудь. Маркус сел на пол и обхватил голову руками. «Это не поле, — повторял он. — Это пассажиры, которые сошли не на той станции». Но он не сходил ни на какой станции. Он сел на поезд, и поезд ехал. Ехал

всю ночь, которая не кончалась. И часы показывали 23:47. И за окном лежали люди, которые не сошли, но и не остались. Люди, которые застряли где-то между станциями, между жизнью и воспоминанием.

Он присидел так, наверное, несколько часов. Или несколько минут. Время потеряло смысл. Потом в коридоре послышались шаги. Мерные, спокойные. Маркус поднял голову. Шаги приближались. Он встал, отряхнул брюки и выглянул в коридор. Проводник — наконец-то — шёл по проходу, поправляя форменную фуражку. Он выглядел обычным: пожилой мужчина с усталым лицом, в тёмно-синей форме, с фонариком на поясе. Маркус шагнул ему навстречу.

— Где мы? — спросил он. — Почему часы стоят? Что это за поле?

Проводник посмотрел на него, и в его глазах не было ни удивления, ни интереса. Только какая-то тусклая вежливость.

— Следующая станция — Прага, — сказал он ровным голосом. — Приготовьтесь к выходу.

Маркус открыл рот, чтобы возразить, но проводник уже прошёл мимо, и его шаги стихли в конце вагона. Маркус вернулся в купе и посмотрел на часы. 23:47. Поезд начал замедляться. За окном — он всё-таки выглянул — поле исчезло. Чемоданы исчезли. Теперь там был перрон. Тусклые фонари, пустые скамейки, табличка с названием станции. Прага.

Поезд остановился. Двери открылись с шипением. Маркус взял сумку и вышел.

На перроне было пусто. Только ветер гнал по плитке обрывок газеты и где-то далеко капала вода. Маркус оглянулся — поезд стоял, двери были открыты, но внутри никого не было видно. Проводник не вышел. Маркус хотел вернуться, спросить, что происходит, но что-то удержало его. Он просто стоял и смотрел, как двери закрываются, как поезд медленно набирает ход и уходит в темноту, оставляя его одного на пустом перроне.

Он повернулся и увидел человека. Тот стоял в нескольких шагах, у колонны, и смотрел на него. Маркус сразу узнал это лицо — потому что видел его каждое утро в зеркале. То же пальто, та же сумка, те же часы на запястье. Человек был его точной копией. Абсолютной, до последней морщинки. Он стоял спокойно, засунув руки в карманы, и на его губах играла лёгкая улыбка.

— Ты опоздал на тридцать лет, — сказал он.

Маркус не мог пошевелиться. Голос был его собственным, только чуть глуше, будто доносился из-за стекла.

— Что? — выдавил он.

— Ты опоздал на тридцать лет, — повторил двойник. — Я ждал тебя здесь. Сел на этот поезд в двадцать три сорок семь. Тогда же, когда и ты. Только я вышел на тридцать лет раньше.

Маркус посмотрел на часы. 23:47. Стрелки не двигались.

Он поднял глаза на двойника. Тот всё ещё улыбался.

— Ты не сошёл, — сказал двойник. — Ты остался в поезде. Как и все остальные. Они сошли не на той станции, и теперь лежат в чемоданах, и ждут, когда их снова увидят. Ты видел их. Они видели тебя. Теперь ты один из них.

— Нет, — сказал Маркус. — Я вышел. Я стою здесь.

— Ты стоишь здесь, — согласился двойник. — Но ты опоздал. Ты должен был выйти тридцать лет назад. Теперь твоё место занято. — Он указал на себя. — Я — это ты. Я вышел вовремя. А ты — опоздал. И теперь тебе придётся вернуться.

Маркус хотел закричать, но голос не слушался. Он посмотрел на перрон, на пустые скамейки, на фонари, на табличку «Прага». Где-то далеко, в темноте, стучали колёса. Поезд возвращался. Маркус обернулся. Состав вынырнул из ночи, такой же тёмный, такой же пустой. Двери открылись. Проводник стоял в тамбуре и смотрел на него с тусклой вежливостью.

— Следующая станция — Прага, — сказал он. — Приготовьтесь к выходу.

Маркус посмотрел на двойника. Тот всё ещё улыбался.

— Не смотри в окно после полуночи, — сказал он. — Я предупреждал.

Маркус шагнул в поезд. Двери закрылись. Поезд тронулся. За окном снова потянулось поле, усеянное чемоданами. Маркус сел у окна и стал ждать. Он знал, что теперь будет. Он

будет ехать всю ночь, которая не кончается. Он будет смотреть на часы, которые показывают 23:47. Он будет видеть, как открываются чемоданы, как люди внутри открывают глаза и машут ему. И однажды он найдёт записку, написанную его почерком. И не удержится. И посмотрит в окно. И станет одним из них. А потом, через тридцать лет, кто-то другой сядет на этот поезд, и Маркус будет лежать в чемодане и ждать, когда его увидят. Потому что поезд идёт. Потому что станция — Прага. Потому что время здесь не движется, а только кажется, что движется, и все мы опаздываем ровно настолько, насколько нужно, чтобы никогда не успеть.

«ЛЕС, КОТОРЫЙ СЛУШАЕТ»

Грета Линдквист вышла из автобуса на конечной остановке в половине четвёртого дня, и первое, что она почувствовала, была не прохлада северного леса и не запах хвои, а тишина. Не просто отсутствие звука — тишина плотная, тягучая, будто воздух здесь был сделан из ваты. Автобус уехал, оставив её одну на гравийной площадке с рюкзаком за плечами и картой в руке. Грета сверилась с картой, потом с компасом, потом с солнцем, которое висело низко над деревьями, будто нехотя. Всё сходилось: лес Теней начинался сразу за площадкой, тропа шла на север, через день пути было озеро, ещё через день — хижина, где она планировала переночевать. Она была опытным туристом, ходила в походы с пятнадцати лет, знала, как разводить костёр под дождём, как ориентироваться по мху и звёздам, как вести себя, если встретишь лося. Она не боялась леса. Но этот лес, казалось, смотрел на неё.

Лесничий ждал её у входа на тропу. Грета не заметила его сразу — он стоял так неподвижно, что его можно было принять за пень. Высокий, сутулый мужчина в зелёной куртке, с лицом, изрезанным морщинами, как старая кора. В руке он держал термос. Грета поздоровалась и хотела пройти мимо, но он шагнул на тропу, преграждая путь.

— В лес Теней? — спросил он. Голос был тихим, без ин-

тонаций.

— Да, — сказала Грета. — На три дня. До озера и обратно. Лесничий посмотрел на неё долгим взглядом. Потом протянул термос.

— Кофе, — сказал он. — Выпейте. Пока не зашли.

Грета взяла термос, сделала глоток. Кофе был крепким и горьким. Она вернула термос и поблагодарила. Лесничий не двинулся с места.

— Послушайте меня, — сказал он. — Это важно. Если услышите, что деревья шепчут ваше имя — не отвечайте. Если ответите, они узнают, где вы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.